НЕИЗВЕСТНАЯ ОЧЕВИДНАЯ ТРИХОТОМИЯ: РОЛЬ ЛОГИКИ В ГЛОТТОГОНИИ

Ю. В. Кобенко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Вынесенный в заглавие статьи оксюморон выражает очевидность предлагаемой в работе трихотомии и ее неизвестность широким кругам постструктуралистов, так или иначе затрагивающих в своих трудах вопросы лингво- и глоттогенеза. Господство в мировом языкознании векторов интракорпорального поиска языка с середины ушедшего столетия привело лишь к мистификации указанной области знаний. Однако наметившийся к смене тысячелетий поворот исследований в сторону экстралингвистики способен развенчать укоренившийся в широкой аудитории гуманитариев миф об интракорпоральном (когнитивном, психологическом, ментальном и т. п.) происхождении языка и вывести на первые позиции в языкознании экстралингвистическую обусловленность глоттогонии и процессов языковой эволюции. Тем не менее вопреки многократно верифицированным данным междисциплинарных исследований в настоящее время по-прежнему можно наблюдать противостояние софистской традиции идеализма, отстаивающего идею интракорпорального происхождения языка, и основательно забытой в лингвистических кругах теории социально детерминированного лингвогенеза, еще в середине прошлого века довольствовавшейся статусом солитарной. Постструктурализм, основательно зашедший в «когнитивный тупик», обрек себя на заслуженную критику, которой посвящена изрядная часть настоящей работы.

Цель статьи – предложить новую трихотомию структурно-системного языкознания «система языка – грамматика – речь».

Материал и методы. В работе использованы структурно-системный и семиотический подходы, образующие эпистемологическую рамку исследования, в ходе которого применялись методы логики (анализ, синтез, сравнение и пр.), а также общенаучный метод триангуляции, позволяющий выделить общее третье для двух объектов наблюдения.

Результаты и обсуждение. Предложенная трихотомия структурно-системного языкознания «система языка – грамматика – речь», где грамматика понимается как свод правил, а речь – как результат комбинаций системных элементов, углубляет представления о функционировании знаковых систем коммуникации в языковом коллективе, а также коэволюции языка и социума. Язык устроен так, что минимум речевой комбинаторики может способствовать усвоению правила, а выученное правило в свою очередь выступает залогом освоения максимума самой системы. Правило как добавочное третье и переходное звено между системой и функцией выступает одновременно экстралингвистической привязкой виртуальной системы знаков, невидимой для человека, к говорящему индивиду. Знаковая природа языка понимается через семиотическую обусловленность процессов глоттогонии, ведущую роль в которых играет логика не в аристотелевском смысле, а как система принципов, законов и операций осуществления определенной деятельности, в данном случае – коммуникативной. Участие логики в процессах речепорождения опровергает сложившиеся представления о грамматике как части языкового конструкта и побуждает считать ее добавочным третьим (инструкцией) по отношению к системе языка и индивидуальным речевым репертуарам.

Заключение. Глоттогония – не когнитивный, а логико-семиотический процесс. Знак, лежащий в основании всех трех элементов трихотомии, предшествует как процессам понимания (осознания), так и производства высказываний. Помимо этого, через знак и логическое (не мыслительное или умозрительное) правило его использования говорящий коллектив становится самим собой: знак и правило объединяют пользователей языка, реализуя в среде главную его функцию – интегративную.

Ключевые слова: *трихотомия, глоттогония, семиотика, логика, грамматика, система, функция.*

Введение

Слияние ветвей знаний и укрупнение объектов исследований – неизбежное следствие диверсификации отдельных научных дисциплин. Границ между предметами, как известно, не существует, а размежевание носит рационально-эмпирический характер, во многом объясняющийся необходимостью получения конкретных данных или возможностью проскопии частно-научных результатов. Расширение рамок лингвистических исследований, выход в обширное междисциплинарное поле

и фузионирование науки о языке с рядом дисциплин, в первую очередь естественно-научного цикла, поставили перед постструктурализмом ряд сложнейших задач, реализация которых, на взгляд автора, синхронно значительно ограничена его аппаратными возможностями.

Если, к примеру, обнаружение связи языка и социума не требует специальных доказательных изысков и легко отслеживается в социальном пространстве, как и связь лингвистики и педагогики, то некус языка и мышления порождает исключительную

мистификацию третьей составляющей части науки – верификации данных. Результаты, независимо от того, в какой области лингвистики они были получены, голосовно объявляются «когнитивными», что в лучшем случае выглядит как робкое предположение и уже совсем не как фундированное знание [1, с. 67]. Очевидную умозрительность данных выводов легко обнаружить, потребовав от авторов работ предъявить данные магнитно-резонансной или позитронно-эмиссионной томографии, недвусмысленно доказывающие существования нейронно-морфологического субстрата в коре больших полушарий, отвечающего за предложенные «когнитивные» функции или операции, которые в нейрофизиологии никогда не рассматриваются в отрыве от нейронной деятельности [2, с. 173]. Необходимо отметить, что невозможность такой верификации не снимает ответственности с авторов данных работ за достоверность и воспроизводимость научных результатов, т. е. тот пункт теоретико-реферативной части рукописей исследований, который стал сегодня известной проформой. В связи с этим выполнение исследований в строго очерченных методологических рамках отдельных дисциплин уже выглядит не как лишение общественности междисциплинарной привязки научной работы, а скорее как порядочность и приверженность исследователей формуле Цицерона *est, si convincitur* («Существует, лишь когда доказано»).

Общей контраиндикацией междисциплинарного творчества постструктуралистов выступает банальное отсутствие у них квалификации в зонах «нахлеста» на естественно-научные массивы знаний: рассуждения о «когнитивности» требуют изрядной подготовки в областях нейробиологии, (палео)неврологии, медицины и биохимии. Так как данные требования автоматически превосходят квалификацию подавляющего большинства современных лингвистов и педагогов, обильно декорирующих свои труды терминами нейробиологии, ценность «когнитивных» выводов имеет скорее регрессивные (отрицательные) свойства. Зачастую выводы указанного свойства – лишь дань конъюктуризации научных областей и публикационно-аттестационной повинности научно-педагогических работников. Известное изречение Плиния Старшего *ne sutor supra crepidam* («Сапожник, суди не выше сапога») должно не столько побуждать к осторожности в заключительных суждениях, сколько к осознанию того обстоятельства, что для выполнения исследований в области нейробиологии недостаточно мела и указки.

Однако наиболее частой причиной междисциплинарного уклона творчества новоиспеченных «когнитологов» является низкая квалификация в области теоретического языкознания как их самих,

так и их окружения, слепо переписывающего результаты подобных изысканий по принципу бесконечной рекурсии – ученики у учителя и т. д. Отрицание достижений системно-структурного языкознания зачастую рассматривается как повод для новомодной альтернативистской (остенсивной) реноминации речи и стиля в «дискурс», логики (грамматики) языка – в «когнитивность», а ономазиологии (раздела семантики, известного как теория номинации) – в «языковое сознание», якобы автоматически превращающих самого реноминатора в ученого.

С начала 2000-х гг. в отечественном языкознании стало весьма популярным обнаружение «второго семантического слоя» языковых знаков, именуемого концептосферой. Расхожее и навязчивое убеждение ряда современников, что «концепты» шире понятий (плана содержания), не находит в языкознании должного подтверждения, покуда используемые для этого методы принадлежат семантике и лексикологии (лексикографии). Если же под концептом понимается денотат, т. е. представление о чем-либо как верхушка семиотического треугольника Г. Фреге, тогда к языку он имеет весьма отдаленное отношение. В этом случае он является объектом изучения либо нейробиологии, так как за образование денотатов (миниатюр-слепков объектов, процессов, явлений окружающей действительности) отвечает такой орган лимбической системы (висцерального мозга), как гиппокамп, либо кибернетики, изучающей получение, хранение, передачу и преобразование информации. Главное семиотическое отличие денотата от понятия (содержания знака) заключается в его индивидуальности: если содержание знака «стол» является коллективным явлением, т. е. понятно всем представителям языкового коллектива, то денотат, собственно и побуждающий постструктуралистов к безудержному переименованию всех терминов лингвистики, исключительно индивидуальное явление, связанное с закрепленными у отдельного индивида представлениями об означаемом объекте – столе. Как правило, это стол, хорошо известный данному индивиду и совершенно не известный всем остальным представителям языкового коллектива, а следовательно, такое представление само по себе не только не может лечь в основу коллективных мыслительных процессов, что имплицитруется в каждой первой диссертации по «когнитивистике», но и сыграть сколько-нибудь значимую роль в процессах номинации. Как можно видеть, отрицание постструктурализмом теоретико-методологической базы системно-структурного языкознания порождает не ожидаемое расширение поля наблюдения, а скорее подмену понятий, т. е. фактически нарушение первого закона логики (закона тождества): А не

есть В. Ответ на такой сомнительный новаторский ревизионизм приходит неожиданно из тех научных дисциплин, которые образуют с постструктуралистским языкознанием упомянутые зоны «нахлеста».

Материал и методы

Материальной базой исследования послужил аутентичный корпус образцов синхронной речи носителей немецкого и русского языков, в том числе русскоязычных, изучающих немецкий язык как иностранный. Часть иллюстративного языкового материала добыта из следующих вторичных источников: 1) электронной картотеки Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS) Берлинско-Бранденбургской академии наук (Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften); 2) универсального словаря современного немецкого языка «Duden Universalwörterbuch» (2015); 3) «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (2010).

Методологической основой статьи выступает структурно-системный подход, функционирующий и как конструкт исследовательского аппарата, и как парадигмальное целое – направление научного поиска. В качестве субординативной эпистемологической величины использовался семиотический подход, предполагающий «изучение знаковых свойств языковых единиц с учетом таких аспектов, как прагматический, синтаксический, эволюционный, формально-структурный и синтагматический» [3, с. 238].

Исследовательские процедуры проводились при использовании традиционных методов логики (анализ, синтез, сравнение, обобщение, противопоставление и пр.). Для построения трихотомии привлекался метод триангуляции (лат. *triangulum* – «треугольник»), в основе которого лежит построение вертикальных (верхнего и нижнего порядка) и горизонтальных (соположений, зависимостей) пропорций на основе логических последовательностей. Метод триангуляции во многом схож с лингвистическим методом реконструкции, используемым для определения структуры общего (пра)ностратического языка через сравнение ряда дочерних ответвлений в виде живых и мертвых языков [4, с. 34]. Путем триангуляции устанавливается общее третье для двух явлений, у которых прогнозируется родственность, или гомологичность. К примеру, на основе морфетического (формально-структурного) сходства голландского имени существительного *streng* (стренга, трос; ср.: новонемецкое *Strang* – «веревка, жгут») и латинского глагола *strangulare* (удушать, стягивать) методом триангуляции можно обнаружить общего предка *στραγγάλη* (канат, петля) в греческом языке.

Результаты и обсуждение

Двойственные (дихотомии, греч. *διχотомία* – «деление надвое») и тройственные (трихотомии, греч. *τριχотомία* – «деление на три») понятия используются в науке для экспликации взаимосвязей между определенными объектами, процессами, явлениями или их отдельными сторонами. Так, для описания составляющих языкового знака в лингвистике применяется семиотическая дихотомия «форма – содержание». Как правило, элементы дихотомии образуют бинарную оппозицию, известную как антиномия (др.-греч. *ἀντι-νομία* – «противоречие»). Антиномии удобны для выделения полярных категориальных пар в понятийно-терминологических аппаратах исследований, например, «центр vs. периферия» в лексикологии, «прямые vs. косвенные речевые акты» в прагматике. При этом в природе антиномий заложено противопоставление не противоречивого характера (демократический vs. недемократический), а скорее контрарного (горячий vs. холодный), допускающего промежуточные состояния (теплый), ср.: хрестоматийное определение антиномии как «единство противоположностей». В этом плане противопоставление «когнитивистики» и логики, обнаруживающее признаки противоречивости, нельзя признать антиномическим в силу того, что их единство умозрачительно, остенсивно, т. е. не выводится из объективно существующих связей между ними. В историческом языкознании и социолингвистике антиномические оппозиции используются, напротив, для выделения крайних точек языковых процессов или векторов глоттогонии, обнаруживающих неразрывную связь, ср.: «экзо- vs. эндогlossные тенденции развития литературных идиомов» в диахроническом языкознании, «языковой национализм vs. языковая демократия» в языковой политике.

Трихотомии – более редкое и частное явление. В зависимости от наличия выявленных связей между определенными объектами, процессами, явлениями исследователь может сгруппировать первые в тройственные (трехчастные) объекты наблюдения, или триады, ср.: устойчивые трихотомии фонетики «фонема – фон – аллофон» и грамматики «тмезис – дейксис – таксис», имеющие выраженный эмпирический характер. Пожалуй, наиболее известной сосюрианской трихотомией можно признать *lange – langage – parole* (язык – способность к говорению – речь), впоследствии побудившую Н. Хомского и его последователей к интракорпоральным поискам языка [5]. Фаллибилистичность такого подхода тем не менее заложена не в самой трихотомии, а в интерпретации и экстраполяции ее значений для частных исследовательских процедур.

История укрупнения ряда лингвистических дисциплин в XX в. отчетливо показывает, что

эвристические подходы, разрабатывавшиеся в первую очередь советской и американской школами, подводятся к логической основе теоретического моделирования глоттогонии, принципами которого выступают, как и для самой аристотелевской логики, положения семиотики [6, с. 28]. При этом логика понимается двойственно: и как метод познания природы языка, и как способ организации языковой материи. Поиски логических аналогий в языковых множествах на самых различных уровнях языка увенчивают советскую лингвистику 1950–1960-х гг., работающую по строгим лекалам структурализма. Это приводит, в свою очередь, к созданию строгих онтологических картин языка с двумя четко очерченными структуралистскими полюсами – системы и речи. Кристаллизация указанной дихотомии при всем ее несовершенстве позволяет интерпретировать комбинаторику единиц языка и речи, лишь усиливающую антагонизм противопоставляемых понятий и неизбежно смещающих центр тяжести в сторону языковой системы [7]. Логика становится здесь инструментом изучения формирования смыслов при речепорождении, имплицитно указывая исследователям на растущую пустоту между элементами выводимой ими антиномии.

Данную пустоту в постперестроечный период приватизирует постструктурализм, пугающий оперируемой безграничностью и омнифагией – своего рода знаменами французского постмодернизма, уже изрядно потрепанными массивированной критикой американской школы статистической физики и комбинаторики Алана Сокала. Между скрупулезно выделенными и тщательнейшим образом структурированными добросовестной советской лингвистикой полюсами языка и речи неожиданно оказывается все накопленное гуманитарное знание во главе с «антропоцентризмом» и бесконечной величиной его значения. Попытка уложить между системой языка и функцией химеру «человекообразия» доказывает предельную некомпетентность его прозелитов в областях антропологии в частности и эволюционизма в целом, как и незнание ими базовых социальных функций языка – интегративной/дизинтегративной [8, с. 22–23]. Нелогичное и местами лапидарное обобщение всего неизвестного в некой «очеловеченности» природы языка не только идет вразрез с практикой общей пастеровской науки, давно определившей место антропоцентризма в депо лженаук, но и создает над постперестроечной лингвистикой нимб автаркии и исключительности лишь по факту наличия у нее выданной самой себе лицензии на объявление витрувианского человека да Винчи графаретом научного знания. Факт отсутствия в природе образцов эволюции, в том числе языковой, по которым человек становится

ся человеком, а слон – слоном [4], очевидно, попросту неизвестен адептам постструктуралистского антропоцентризма.

Необходимость преодоления размашистого и излишне плодovitого постперестроечного лингвистического творчества во втором десятилетии XXI в. вновь выводит на первый план рассуждения о так и невыясненной взаимосвязи элементов дихотомии «язык vs. речь». В трудах многих вчерашних постструктуралистов появляются намеки на естественную тройственность их отношений, пусть и через такие банальные структуралистские величины, как структура. Связи системы и ее элементов понимаются через структуру как логику их упорядочивания, в результате чего выводится зависимость: система = элементы + структура [9]. Возврат к логике как дань вынужденного намерстывания упущенного за годы приращения к языку любых понравившихся смыслов, с одной стороны, и теоретико-методологическая вакансия в промежутке между известными антиномическими понятиями объединились в третий понятийный элемент, лежавший с момента выхода «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в 1916 г. на поверхности, – грамматике. Таким образом, получаем новую дихотомию «система языка – грамматика – речь», где грамматика (греч. *γράμμα* – «буква») как переходное звено от системы к функции должна пониматься в силу логико-семиотического детерминизма гораздо шире ее пор-рояльского прототипа, а именно как свод правил пользования языком. Здесь она синонимична инструкции пользования языковыми ресурсами, действительной в отношении единиц всех уровней системы языка, разбиения исходных множеств, выбора нужных элементов и правил их дистрибуции. Вопреки бытующим представлениям, грамматика даже в таком широком понимании не является частью системы, как инструкция частью механизма. Механизм работает по определенному принципу, но последний – некий инвариант использования механизма, частная концепция функционирования системы. К тому же грамматическая инструкция языка – это всегда то, что понято пользователем (рецептивно), с одной стороны, и принято на вооружение (продуктивно), с другой стороны. Данный принцип лежит в основе эволюции любых грамматических систем живых языков. Степень сложности той или иной грамматики напрямую зависит от количества оперируемых средств: у одних это будет единственная конструкция SVO (*Маша любит кашу*) или ее вариация SOV (*je t'aime*), у других – рекурсивно усложненная матрешка синтаксиса с придаточными уступительными третьей степени и явлением *dativus ethicus*. Строго говоря, грамматическая инструкция подразумевает определенный стандарт

использования элементов языковой системы, т. е. имеет признаки коллективного. Логическая составляющая такой инструкции обеспечивает реализацию базовой функции языка – интегративной/деинтегративной: общество понимается через взаимодействие его индивидов как популяции (эволюционирующий суперорганизм: эволюцию не интересуется судьба биологических индивидов, а лишь целых популяций); средством такого взаимодействия выступает язык, а залогом – наличие свода правил его использования. Именно поэтому язык не понимается вне общества, а оно – без языка как средства взаимодействия [1, с. 68].

Правила создаются естественным или искусственным образом (посредством кодифицирующих мер) в ходе глоттогенеза и никогда не отделяются от него. Они пришли из глубины веков и не имеют никакого отношения к современному говорящему и его мышлению: будучи выработанными коллективом, они являются продуктом коллективной деятельности, а следовательно, в значительной степени неосознанны, ритуализированы и стигматичны. Вряд ли использование дательного падежа для маркировки получателя действия очевидно всем пользователям русского языка, ежедневно использующим данную логическую опцию построения высказывания по несколько сотен раз. Безусловно, правила могут переосмысливаться и выводиться заново, однако в этой функции они существенно сдерживаются популярностью и распространенностью общеупотребительных правил в совокупном языковом коллективе. Как известно, не все осваивают язык в его богатстве возможностей, и это становится одним из поводов эволюционного преобразования системы языка неизменно в сторону удобства для говорящего коллектива. Многие языки (как социо-, так и идиолекты) останавливаются на конструкциях SVO/SOV, щадя ленивый мозг пользователей, платящий им за это щедрой эндорфиновой подкормкой [10, с. 13–15]. Логика здесь – лишь частное основание для сохранения или изменения инструкции и никак не наука о правильном мышлении.

Мышление, оперирующее индивидуальной совокупностью денотатов, не может выступать отправной точкой для рассуждений о глотто- и лингвогенезе в силу его доказанной вторичности по отношению и к самой системе языка [11, с. 7–8], гораздо старшей отдельного говорящего индивида, и даже к тому слепку системы языка, которым данный индивид прижизненно пользуется: о мышлении рассудочного свойства целесообразно говорить уже после достижения говорящим 12 лет, т. е. после окончания сенситивного периода; до этого момента подростки пользуются, при этом уже бегло владея речью, исключительно инстинктивно-

гормональными способами анализа событий, делающими их поведение в высшей степени имитативным [2, с. 76]. Отсутствие грамматически связной или зачастую вообще речи (мутизм) у феральных детей (маугли, *homo ferus*), выросших вне человеческой среды обитания, красноречиво доказывает невыводимость сосюррианского *langage* из мышления и тем самым лишней раз опровергает интракорпоральную преамбулу лингво- и глоттогенеза. По этой причине нельзя серьезно относиться к трудам многочисленных постструктуралистов, объявляющих все свои результаты по умолчанию «когнитивными». Денотат противопоставлен понятию в треугольнике немецкого логика и математика Г. Фреге не только по параметру индивидуальное/коллективное, но и по своим семиотическим свойствам: как бы каждый из нас себе по отдельности ни представлял стол, ни на словарную семему данного слова, ни на его звуковую оболочку (знак) тем более эти представления никак не повлияют. Что бы ни понималось под «когнитивностью» как производной мышления, ни сама система языка, ни комбинаторное использование ее элементов в речи, ни инструкция не являются особенностями мышления. Любой человек в известной степени социально детерминирован, т. е. придерживается конкретного набора правил, определяющих его поведение, речь и в конечном итоге мышление. За несоблюдение правил человек может поплатиться жизнью либо будет подвергнут остракизму, поэтому соблюдение правил в интересах самого же индивида. Следовательно, мышление вторично по отношению к социальному правилу, разновидностью которого является правило пользования языком.

Очень часто из «когнитивного» цеха доносятся контраргументы, имплицитно указывающие на поиск некоего первичного, выставляемого сакральным. Следует особо подчеркнуть, что первичным по отношению к мышлению является биология, так как именно наука нейробиология изучает мозг, его строение и функции. Однако и сама биология не является в итоге первичной: первичной по отношению к биологии выступает химия согласно теории абиогенеза, разработанной советским биохимиком А. И. Опариным, а первичной по отношению к химии является астрофизика. Если поиски первичности и служат поводом для декларируемой междисциплинарности трудов постструктуралистов, видевших мозг разве только на картинках, то лингвистике следует поискать более конкретную эпистемологическую платформу, например логику, располагающую надежным научным аппаратом и к тому же разделяющую с лингвистикой объект исследования – язык.

Насколько же логичен сам язык? Чтобы ответить на данный вопрос, нужно отделить собственно логику от логики языка. Первая тождественна

последовательности и непротиворечивости, например, отдельных суждений (Солнце – звезда, Земля – не звезда). Вторая логика является расхожим понятием, близким по содержанию к сочетанию «в логике чего-то... (какой-то системы, события, явления и пр.)». Логичность во втором значении выражается единицей «правильный», т. е. происходящий от какого-то правила. Кроме того, аристотелевская (первая) логика различает естественный и язык исследователя (метаязык) [12, с. 61], а вторая логика считает сущим все то, что имеет знаковый ярлык и находится в языковом «зазеркалье»: волшебство, безрыбье, кудыкины горы (отсюда и термины современной отечественной педагогики «готовность», «способность», «компетенция», происходящие из естественного языка и не имеющие должной метаязыковой традиции).

Приведем примеры предложений, эксплицирующие данную разницу. Обучающийся уровня С1 при изучении группы немецких глаголов с префиксом *ent-*, управляющим дательным падежом, породил следующие предложения:

(1) **Ein betrunkenen Fahrer wurde den Führerschein der Verkehrspolizei entzogen.*

(2) **Einem betrunkenen Fahrer wurde die Verkehrspolizei der Führerschein entzogen.*

(3) **Einem betrunkenen Fahrer wurde den Führerschein der Verkehrspolizei entzogen.*

Задание звучало следующим образом: переведите предложение «Автоинспекция изъяла права у пьяного водителя» на немецкий язык, используя один из глаголов группы *ent-*. С точки зрения общей логики все три произведенные конструкции логичны: они являются простыми высказываниями, значением которых выступает логический объект «истина», а смыслом – суждение, выраженное повествовательным предложением [12, с. 65]. Истинность того, что у определенного водителя были изъяты права, не ставится под сомнение в самой формулировке задания. С точки же зрения логики языка – грамматики – ни одно из приведенных предложений правильным не является, ср.: правильный перевод: *Einem betrunkenen Fahrer wurde der Führerschein (von der Verkehrspolizei) entzogen.* Так как использование страдательного залога не значилось условием (заданностью) перевода, он мог звучать и так: *Die Verkehrspolizei entzog einem betrunkenen Fahrer den Führerschein.* Незменным остается управление глагола *entziehen* – дательный падеж, указывающий на получателя положительного или отрицательного действия. Таким образом, под языковой логикой следует понимать не любое высказывание, индицирующее вообще так называемый когнитивный акт, как предлагают считать постструктуралисты, а только то, которое построено по правилам функционирова-

ния единиц языковой системы в речи, что и требовалось доказать.

Зачастую под логикой языка понимается наличие семантической бинарности (парности) определенных лексических единиц. Так, можно столкнуться с сожалениями отдельных немецких современников о том, что существует глагол *ausflippen* (сорваться), но нет его пандана **einflippen*, есть существительное *Vielfraß* (обжора), но нет его антонима **Wenigfraß*. Очевидно, ни одну из известных систем языка – ни семасио-, ни ономасиологически – нельзя разделить на оппозиции по той причине, что такой цели у самого языка нет. Его цель – обеспечение коммуникации внутри определенного социума с целью его выживания, т. е., как можно видеть, подчинена абсолютно биологическим задачам популяции *homo*.

Познание того, что грамматика никогда не является частью системы языка, имеет самые далекие выводы для лингвистики в целом и грамматистов в частности. Именно поэтому представляется ложной центральная идея хомскианства, как и прочих интракорпоральных подходов к поиску языка, о нахождении в голове отдельного пользователя обособленного языкового субстрата (причем обязательно в виде так называемой «речепорождающей грамматики» Н. Хомского). И уже совершенно нелепо требовать от языка, как от некой программы установки с расширением *exe*, распаковываться в голове каждого говорящего в унифицированном виде с наиболее существенными ее компонентами. Люди используют язык, согласно К. Попперу, сообразно со своими способностями и потребностями [13], а следовательно, в голове отдельно взятого пользователя находится не некая несократимая (обязательная) часть системы языка, а индивидуальный прожиточный минимум языковых средств, необходимый индивиду для выживания в социуме. Очевидно и ожидаемо, что «минимум» доктора филологических наук, читающего лекции аспирантам по стилистике, будет разительно отличаться от минимума охранника поселкового супермаркета в сторону недостижимого максимума, и даже если будут приложены невероятные усилия, чтобы «трансплантировать» охраннику все богатство вокабуляра доктора наук, то в итоге придется приложить как минимум еще вдвое больше усилий, чтобы научить первого этим богатством пользоваться, т. е. создать свод правил комбинирования добавленных средств в речи.

Полевые лингвисты, исследующие миноритарные формы языков на предмет грамматических категорий различного рода, должны возвести превосходство индивидуального (идиолектного) над системным (диалектным) в абсолютное правило. Иначе окказиональные образцы речи, обусловленные

всевозможными экстралингвистическими факторами – от привычки повторять за авторитетным пользователем («А мы в семье говорим налаживай кашу, так папа у нас говорит!») до старческого разрушения нейронных окончаний синапсов и связанной с этим утратой грамматических связей (особенно в речи билингвов), – будут выдаваться за особенности грамматического строя той или иной формы языка. Зачастую так и происходит в силу небольшого числа оставшихся «носителей», как правило, пожилого возраста, пользователей реликтовых идиолектов. И тогда исследователям не остается ничего другого, как принять индивидуальные особенности пользования словарным инвентарем за системные, а читателям – с этим смиренно согласиться. В ряде случаев уже невозможно понять, как было на самом деле, однако сохранять преамбулу при анализе нужно не столько ради совести, сколько ради чистоты выводов для последующих поколений исследователей. Любая грамматика – коллективное изобретение, а значит, представляет собой коллективный (системный) набор правил пользования народным достоянием – языком. Как правило, большая часть создающего коллектива уже покинула земную сень, а современники лишь пользуются их творческим наследием. И хотя правила грамматики более всего резистентны к эволюционным изменениям, их неодинаковое усвоение различными категориями пользователей нельзя сбрасывать со счетов, как и склонность к различного рода деформациям и мотивациям по причине удобства произнесения и запоминания (фулюганить, спин(д)жак, кепчук).

Безусловно, грамматика не может быть признака без остатка субъективным явлением, ведь было бы несправедливо рассматривать ее вне конкретного множества структурированных системных единиц, синхронно использующихся отдельным языковым коллективом, – грамматику немецкого языка без самого немецкого, грамматику английского без самого английского и т. д. Грамматика, очевидно, как и математика, – уровневый конструкт: нижний уровень доступен и понятен всем (SVO/SOV), а далее начинаются уровни сложнее, и нужно понимать образование причастий страдательных несовершенного вида настоящего времени (выкристаллизовываемый) и падежные окончания имен числительных (с восемьюстами пятьюдесятью девятью рублями), которые уже давно изобретены, но являются препятствием для любителей говорить без перегрузки кратковременной памяти. Апогеем грамматического знания выступает, по всей видимости, имплицитная каузальность, позволяющая понимать, что *zerlegen* – это мы что-то делаем с объектом (переходный глагол в интродуктивном значении), а *zerfallen* – это делает сам объект по причине наше-

го воздействия (*causa* – каузация; переходный глагол в ликвидативном значении), чтобы не порождать переходные глагольные конструкции в переходном значении: *«вы меня устали», *«я хочу тебя отдохнуть». Тем не менее грамматика в ее пользовательских репертуарах никак не защищена от подобных эрративов (солецизмов), и даже наоборот – в условиях снижения общей грамотности их порождение активно поощряется пользователями смартфонов, предпочитающих любым распространенным конструкциям усеченные варианты с нумерической фактурой (с 859 р.) или уже готовые акронимические англицизмы (lol).

Правила пользования языковыми множествами слагаются в нормы, наиболее сложными из которых считаются письменные. Плох тот словарь, который предлагает вместо ответа на вопрос «как говорить?» ответ «так говорят» (правильный ответ: «нужно говорить так...»). Извечное противостояние прескриптивных и дескриптивных грамматик выглядит сегодня не столько войной филологических форматов, сколько самым настоящим сражением за преемственность поколений, победителем из которого, впрочем, выходит всегда умеющий подражать лучше остальных. Борьба за автохтонов и билингвов разделила грамматики на родные и «для иностранцев», а Европейская рамочная программа – на достаточные для проживания и работы в Европе (до уровня B1) и все остальные. Маркетизация правил пользования языком всеми труженниками языковой политики в бесконечном множестве ведомств стремительно изживает прескриптивность, заменяя ее удобными дескриптивными формулами универсального размера (*one size*), создающими иллюзию одинаковой грамматической сложности/простоты всех живых языков.

Окончательный отказ от предписаний, т. е. отклонение норм в крайнюю правую позицию языковой демократии и максимальной вариативности, может закончиться разнузданным употреблением форм вроде «**Wissenschaftlicher*» вместо «*Wissenschaftler*», «*касаемо» вместо «*касается*» и «*is» для всех личных местоимений. В конечном итоге такая норма прекратит быть нормой и станет обычным пропуском в обиходную стихийную речь. Правило как логическое основание словарной комбинаторики сдерживает пользовательское «разнопение», ненужным образом разобщающее языковой коллектив. Не следует питать иллюзий относительно того, что индивидуальные (оказиональные) нормы имели бы шансы прижиться в системе. Для созидания коллективных правил недостаточно самостоятельности отдельных синхронных пользователей, как сильно бы они ни блистали красноречием. Причина этому – банальная логика (во втором значении), вырабатываемая коллектив-

ными правилами – «языковым колодезем», по Г. Э. Лессингу: явление S должно быть понятно как минимум двум говорящим X и Y и как максимум валидно для использования вне домашних стен проживания любого из них. Даже во всемирной компьютерной сети Интернет продукты окказионального словотворчества, несмотря на большой потенциал тиражируемости (репликативности) всего того, что туда попадает, имеют хождение зачастую лишь в отдельных контактных группах – социальных и/или виртуальных сетях.

Интересными представляются такие новообразования, как псевдозаимствования, позволяющие продуктам индивидуального словотворчества существовать вне нормативного поля языка-донора, ср.: псевдоанглицизмы немецкого языка: *Pullunder* (по аналогии с *Pullover*: пуловер, одеваемый под низ), *Twen* (по аналогии с *Teen*: человек в возрасте от 20 до 30 лет), *Dressman* (мужской манекен) [14, с. 33]. Анализ корпуса галльских заимствований в современном немецком языке выявил, однако, незначительный процент содержания таких апостериорных дериватов в его словарном фонде: 2,46 % (94 лексические единицы) из 3 813 [15, с. 80–81].

Таким образом, норма является результатом синхронизации пользовательских правил элементов языковой системы с ее социально детерминированными тенденциями развития и преобразования. Под синхронизацией понимается процесс упорядочивания индивидуальных пользовательских норм с коллективными правилами речепроизводства [1, с. 70]. Синхронизация – ответ на главный вопрос хомскианства: как человеку удастся порождать бесконечное количество правильных предложений?

В голову ребенка язык попадает через звучащую речь (как правило, матери) в изрядно фрагментированном виде, и ребенок сам вынужден собирать релевантную для себя часть системы языка (камешки языковой мозаики) при помощи правил грамматики, которые он постепенно осваивает через подражание, начиная с превербального периода [16]. Степень валидности этих правил непрерывно корректируется социумом через синхронизацию, процесс настолько же непрерывный, как и сам языковой континуум. Отлучение от среды в сенситивном периоде (до 12 лет) приводит к тому, что ребенок сможет оперировать лишь усвоенным инвентарем средств в том качестве, которое ему предоставила среда. Если же средовая коррекционная синхронизация регулярна и строга, то качество речи языкового индивида будет только увеличиваться в сторону селективности (избирательности); в противном случае мы получим лишь представителя языкового коллектива, владеющего коллекционным (накопительным) инвентарем языковых

штампов (языком СМС-сообщений). Речевой репертуар языкового индивида является идиолектным, а языкового коллектива и его (случайных) представителей – социолектным. Однако неверно думать, что любой индивид – представитель определенной среды обладает идиолектом: идиолектность – качество, неизменно связанное с селективностью индивидуального речевого репертуара. Идиолектом могут похвастаться языковые индивиды, научившиеся самостоятельно синхронизировать и совершенствовать собственную (пользовательскую) копию языка в соответствии с системной (коллективной) и, в идеале, охранять и сохранять последнюю, став субъектами языковой политики уровня Иоахима Кампе или Теодора Зибса.

Идиолект предполагает высокую степень осознания индивидуальных правил пользования языком, фактически наличие доморощенной логики порождения речи. Вряд ли все пользователи немецкого языка владеют правилом образования формы сильного типа склонения имен прилагательных в единственном числе перед существительными мужского и среднего родов: «*Lüge reinsten Wassers*». Подавляющее большинство представителей немецкого языкового коллектива пользуются заученной фразой целиком, не сегментируя ее на грамматические отрезки, и лишь языковые индивиды, чья речь претендует на идиолект, будут способны реконструировать фразу в речи. В промежутке между этими двумя категориями могут находиться пользователи, которые не владеют правилом и поэтому заучили вторую часть сочетания «*reinsten Wassers*», содержащую сложное грамматическое явление, которое они не могут реконструировать в речи по причине непонимания правила.

Бесспорным является тот факт, что грамматика – такой же продукт отбора, как и сама языковая система, и полностью зависит от сложности последней. Однако этот подход справедлив лишь в частно-языковой перспективе, т. е. применительно к границам одного языка. Сравнение любых случайных (неродственных) языковых разновидностей может дать весьма неожиданную картину глоттогонии: грамматика миноритарного эрзянского языка со словарным фондом около 15 тыс. единиц [17] оказывается сложнее грамматики современного американского английского литературного языка со стомиллионным фондом [18]. Упрощение инструкции пользования языком – такое же неоспоримое эволюционное преимущество, как и быстрые ноги. Будучи неотделимой от самой системы, грамматика американского варианта современного английского языка призвана фиксировать сдвиги, наблюдаемые в речи более чем миллиардного коллектива пользователей. Наличие такой колоссальной

коммуникативной мощности превращает коллективное пользование английским языком в высокодинамичный коллективный процесс, от которого не должна отставать и грамматика. Таким образом, грамматика английского языка с двумя падежами (и то преимущественно синтаксическими) – лишь следствие преобладания инноваций над традициями и в конечном счете коллективных норм над индивидуальными. Грамматика же языка эрзя с 12 падежами более консервативна в силу ограниченного круга пользователей (около 120 тыс. человек, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.), абсолютное большинство которых к тому же билингвы. Следовательно, синхронизация обеспечивает не только владение нормами речепорождения, но и транслирует особенности текущей языковой ситуации, т. е. социолингвистическую фактуру той или иной среды. Ее предшествование процессам грамматикализации (*Spracherwerb*) определяет статус и престиж (категории социолингвистики) отдельных компонентов языковой ситуации, лояльность и баланс взаимодействующих идиомов.

Как можно видеть, экстра- и интралингвистические плоскости невозможно разделять, даже давая оценку таким, на первый взгляд исключительно интралингвистическим, явлениям, как логика языка. Тем не менее интракорпоральные поиски грамматики в виде «грамматических генов» продолжают: руководствуясь познанием о совпадении геномов человека и обезьяны на 98,7 %, неохомскианцы из Лейпцигского института им. Макса Планка объявляют оставшиеся 1,3 % «недостающим звеном» Ж. Бюффона и приписывают их способности человека говорить. Выделенный ими ген *FoxP2* вживляется лабораторным мышам с целью наблюдения за их коммуникативным поведением [19, с. 961]. Что следует понимать в этом случае под «коммуникативным поведением», В. Энард не уточняет, как и то, насколько такое поведение будет по-хомскиански «грамматически правильным». Причиной заведомого исключения важнейшей экстралингвистической (средовой) составляющей грамматикализации, пусть и у мышиного писка, очевидно, является незнание того, что язык передается исключительно внегеномным (экзосоматическим) способом. Любой обратный вывод мгновенно наталкивается на логичный вопрос: а имеет ли любой говорящий попугай тот самый ген *FoxP2*? Однако разведение неохомскианцами говорящих мышей, уже само по себе претендующее на научную сенсацию, убедительно доказывает ложность ополовиненного (интралингвистического) подхода, к которому безоговорочно следует отнести и «когнитивный».

Упрощение грамматики, а с ней и логических операций пользования языковыми множествами

может расширять языковую систему, что можно наблюдать на примере современного немецкого языка. Так, появление в нем слова *Echtgold* свидетельствует о преодолении отдельными пользователями данного языка сложных правил образования форм склонения имен прилагательных, ср.: eine Kette aus echtem Gold, die Unterscheidung echten Goldes, ein Barren echtes Gold. Классическое словосложение, выступающее главным способом словообразования в немецком языке, избавляет ленивых современников от необходимости вспоминать грамматические нюансы склонения прилагательного *echt* (настоящий).

Зачастую сложноусваиваемые грамматические правила, наоборот, уступают комбинаторности языковых средств, т. е. возможности их свободного ре/комбинирования в речи с целью адекватной передачи мысли [7]. Весьма наглядно комбинаторность прослеживается в том же словообразовании, где за счет рассредоточения целого достигается большее пользовательское удобство. Конечно, многим лингвистам было бы удобнее иметь термины вроде «категориальный способ определения грамматического рода имен существительных», «смешанный тип склонения имен прилагательных» или «область дистрибуции заимствованных единиц вне границ базового коммуникативного континуума» одним словом, и наверняка немецкий, как завещал М. Твен, – в списке основных кандидатов на роль такого языка-лексикализатора в силу его исключительной пригодности на роль метаязыка науки. Но такие термины ввиду их низкой употребительности и громоздкости априорно обречены на бытие в периферийных структурах системы языка, известных как социолекты (*Fachsprachen*), а также позицию ремы в предложении, так как их никак нельзя «раскрыть» в речи даже при помощи «универсальных ножниц» дейксиса (*Satzklammer*). Следовательно, комбинаторность единиц языка еще не является залогом их употребительности, а традиционное заучивание грамматических правил и запоминание словарных слов не теряет своей актуальности.

Расширение возможностей языка в сложном и многофакторном процессе глоттогонии – без остатка логический процесс в обоих указанных ранее смыслах. Это и поддержание коммуникативной пригодности системы в условиях безостановочного использования ее ресурсов обладателями ленивого мозга, это и создание новых способов выражения в логике отдельных коммуникативных ситуаций, ср.: неопределенно-личное местоимение *man* в немецком языке, используемое для того, чтобы не называть себя или конкретного человека. Грамматика выступает неким остаточным продуктом логического преобразования языка, синхронно за-

вершенным и незавершенным одновременно [20, с. 145], что ставит ее как элемент предложенной трихотомии в ряд наиболее подверженных эволюции явлений.

Не только грамматика, но и процесс смыслопорождения, обозначаемый современниками «когнитивным», на самом деле без остатка семиотический, так как немыслим без самих знаков. Использование атрибута «когнитивный» можно было бы оправдать, если бы так называемая когнитивность выступала порождающей платформой для речи и самой системы языка. Однако это противоречит цели языка – объединять индивидов популяции или групп популяции; цели, делающей язык продуктом исключительно коллективным, не индивидуальным, как это вменяют нам когнитивисты. Индивидуальный язык подростка, если он самобытный (но где взять предпосылки?) и равносителен изоляции (самоизоляции) от общества, будет напоминать инстинктивно-эмоциональные реакции (крики) приматов, так как языку требуются десятилетия, а зачастую и столетия, чтобы стать коммуникативно пригодным. Но даже при выполнении этих условий и наличии пролонгированной неотеции (дифференцированного взросления) подростка до пятидесяти лет, достаточных для развития идиолекта (при исключении всех шансов на внезапную смерть, последствий долгого молчания в виде мутизма, неразвитость или непригодность речевого аппарата и т. д.), язык невозможен без главного условия – говорящего коллектива вокруг самого подростка. Именно языковой коллектив является залогом глотто- и лингвогенеза, а значит, и эволюции языка в человеке. Подмена причины и следствия – первичности языка на первичность мышления – вот основа любого современного «когнитивизма» в работах по лингвистике и педагогике. Логика языка не является врожденной, мало того, она не является универсальной, о чем свидетельствует, к счастью, сохраняющееся многообразие языков на планете. Страшно представить себе лингвистику, отталкивающуюся от бытия только одного языка, что фактически и является катализатором для выводов в области «когнитивности»: во-первых, это незнание автором других языков, кроме языка школьной (вузовской) программы; во-вторых, выполнение исследований на материале языка-макропосредника международного английского, развивающегося по изолированному типу и, таким образом, побуждающего исследователей к поискам имплицитности (интракорпоральности), оказывающейся на поверку обычным заблуждением. Тем не менее зачастую «когнитивность», как отмечалось выше, – лишь следствие бедности кругозора и отсутствия междисциплинарной начитанности. Большинство так называемых когнитивистов – обычные верую-

щие, убежденные в первичности духа по отношению к материи, слова (божьего) по отношению к языку, а следовательно, практикуют вредный для науки и общества мировоззренческий идеализм, одним из выражений которого и выступает практика «когнитивизации» логико-семиотической природы языка, т. е. обычная подмена понятий (нарушение первого закона логики Аристотеля).

Термин «когнитивность» зачастую замещает и само мышление как многократно ускоренную (деанатомизированную) речь (для обычной речи задействуются более 14 групп мышц). В строгой нейробиологической традиции когнитивность понимается как мышление вкупе с научением. С. В. Савельев отмечает, что изучение когнитивных способностей человека состоит в системном анализе эволюционных, морфогенетических и индивидуальных закономерностей развития, а эволюционный подход к исследованию становления когнитивных способностей человека включает в себя анализ нейробиологической эволюции головного мозга антропоидов и гоминид (разве этим занимаются самопровозглашенные «когнитивисты»? – Ю. К.); однако пока проблемы морфогенеза мозга в развитии когнитивных способностей изучаются психолингвистами (т. е. постструктуралистами. – Ю. К.), они еще долго будут неизвестны [2, с. 172–173].

Нередко под «когнитивностью» понимают и саму семантику: в молодом отечественном постструктурализме, ровеснике перестройки, сложилась целая традиция «когнитивной семантики», безапелляционно объявляющая любые десигнаты (понятия) «когнитивными», а логико-семиотические основания самой семантики, сформулированные отцом семантики стоиком Хрисипом Солийским приблизительно в III в. до н. э. [21], – данью постструктурализма.

Однако излюбленным занятием постструктуралистов все же является переименование грамматики и семиотики в «когнитивность». В миллионах статей, монографий и диссертаций, порожденных отечественными и зарубежными постструктуралистами, в пылу реноминации грамматические категории и семиотические (знаковые) операции в пределах треугольника Г. Фреге в унисон декларируются «когнитивными», так сказать, без оговорок на научную область и опыт предшественников.

Приведем некоторые примеры сугубо знаковых операций:

- (1) *Любить – значит беречь.*
- (2) *«Мама, смотри – утка!» – «Какая же это утка? Это чайка».*
- (3) *Сообщник становится соучастником.*

В первом примере семантически сближаются десигнаты знаков, вступая в парадигматические отношения (контекстной) синонимии (логическая

операция отождествления). Во втором примере конкретизируется сам денотат (представление) (логическая операция конкретизации vs. обобщения), в результате чего из одного знака появляются два с соответствующими понятиями. В третьем примере происходит гипонимическое развитие значения (логическая операция конкретизации) с итоговой метонимией исходного понятия «сообщник» (логическая операция субституции).

Как можно видеть, логико-семиотическая основа словарной комбинаторики по-прежнему остается неизменной [22, с. 12], что справедливо в отношении любых языков как структурированных систем элементов. К счастью, оголтелое постструктуралистское переименование языкознания в «когнитивистику» сдерживается сегодня значительным экспланаторным потенциалом структурно-системного языкознания, противопоставленным жидким умозрительным доводам постструктуралистов о «фреймово-концептно-когнитивно-дискурсивно-антропоцентрической» природе языка. Стройность и ясность традиций не позволяет окончательно сбросить со счетов достижения структурализма и классического языкознания, поэтому все чаще появляются прецеденты композитного сопряжения традиционных и постструктуралистских терминов, ср.: «когнитивно-семиотический». В данном составном псевдотермине становится очевидной невозможность существования теоретически несамостоятельного, но заносчивого молодого постструктурализма от терпеливого и умудренного опытом структурно-системного языкознания. Беспочвенность умозаключений о когнитивной (интралингвистической) подложке системы языка вытекает здесь из отсутствия других оснований (четвертый закон логики, по Г. И. Лейбницу), кроме логико-семиотических, которые, однако, без остатка принадлежат структурной лингвистике, недолюбиваемой постструктуралистами по причине обновленческого зуда. К тому же такая навязанная «дружба» терминов, в сущности являющихся антонимами, иллюзорна: один из них по всем правилам грамматики должен быть главным, а другой — определяющим. Можно продолжить логический ряд: один должен быть доминантным, другой — рецессивным; один — фундаментальным, другой — прикладным. Та же самая логика построения составных детерминативных композитов в грамматике (словообразовании) подсказывает, что главным (доминантным, фундаментальным) элементом выступает «семиотический», в то время как узорчатая терминологическая декорация «когнитивный» — лишь дань времени и конъюнктуре. Остается лишь подождать, пока этот атавистический «хвост когнитивности» за ненадобностью отпадет в текстах работ новоявленных теоретиков в ходе расширения их исследовательского кругозора.

Применительно к словарному составу литературных языков логика (преимущественно в первом значении) фигурирует в ряде дихотомий как эксплицитно, так и имплицитно, к примеру: «логика vs. идиоматика», «терминология vs. общеупотребительный/исконный состав лексики».

В первом случае дихотомия противопоставляет крайние точки процесса идиоматизации (сращения) регулярно сочетающихся единиц системы, в том числе через образность (*tertium comparationis*), например: «добыча уплыла». Синхронно данное сочетание можно использовать и в прямом, и в переносном смыслах, однако повышение степени идиоматизации, т. е. превращения этих двух единиц в один знак — фразеологизм, и, следовательно, снижение степени логичности высказывания может привести к тому, что любая «добыча» будет «уплывать», даже если обозначаемый объект плыть не может по определению. Небезынтересным представляется следующее наблюдение: в современном немецком языке идиоматичность семантически схожей конструкции развивается в сочетании с глаголом *entfliegen* (улетать) вышеупомянутой лексической группы, ср. *Beute entflohen*. Безусловно, это не повод упоминать в таких случаях пресловутую разницу в так называемых языковых картинах мира как неких трафаретных коллективных мышлениях, вменяемых постструктуралистами носителям любых языков, ведь разница между «уплыть» и «улететь» в конечном счете тоже логического свойства. Собственно, один из серьезнейших упреков всему «когнитивному» цеху звучит именно так: могут ли все представители отдельного языкового коллектива обладать одной и той же «языковой картиной мира», сотканной из стереотипных «концептов»? Впрочем, на вопрос, где находятся сами концепты — в голове каждого пользователя или же в воображаемой туманной невесомости, обозначаемой постструктуралистами «лингвокультурой», — ответ до сих пор не дан, что позволяет лишний раз убедиться в предельной зыбкости всей «когнитивной» философии.

Во втором случае противопоставляются исконный состав языка (*Erbwortschatz*), доставшийся языковому коллективу от предыдущих генетически родственных форм или исторических формаций языка, и периферийные слои лексики, образующие специальные языки (социолекты, *Fachwortschätze*) с упорядоченными (стандартизированными) терминологиями. Безусловно, логичность будет в большей мере атрибутом норм последних, в то время как ближе к «ядру языка», т. е. исконному составу, будут преобладать исторически обусловленные нормы, опирающиеся главным образом на языковые традиции зачастую образно-художественного словоупотребления, ср.: исконное сочетание

«полночный тать» (тать (устар., поэт. – «вор») не обязательно бывает полночным) и терминологическое сочетание «дезоксирибонуклеиновая кислота» (ДНК) со строго дефинированным десигнатом. В сущности, во второй дихотомии противопоставляются естественный (объект-язык) и предметный (метаязык) языки, различающиеся по степени логических связей в них. Объект-языком может быть любой иностранный язык и те его стороны, которые образуют элементы предложенной трихотомии (система, грамматика, речевой репертуар), а метаязыком в этом случае выступает родной язык как средство познания и описания [12, с. 61]. Социолекты и специальные языки, отличающиеся высоким содержанием иноязычной лексики (один из признаков терминов, исключающих многозначность и мотивированность за счет заимствования иноязычных морфем), можно рассматривать и как объект-языки, и как метаязыки в зависимости от направления вектора научного поиска: для описания исконного состава языка, как правило, используется терминология лингвистики в качестве метаязыка; для описания некоторых терминов, наоборот, может задействоваться эскпланаторный потенциал общеупотребительной лексики, ср.: термин «пункция» происходит от латинского *punctio*, что означает «прокол».

Сферическое представление о структуре словарной системы переносится структуралистом Ф. Дебусом на всю систему языка [20, с. 168]. В его модели языковые уровни образуют концентрические кольца вокруг так называемого языкового ядра – грамматики: орфографический, лексико-семантический и прагматический уровни относятся к интралингвистике, а социолингвистический – к экстралингвистике [23, с. 188]. С данным конструктом в целом можно согласиться, однако по мере ознакомления с ним возникает закономерный вопрос: является ли грамматика ядром языка? Отнюдь. Существуют лишь наиболее архаичные структуры языковой системы и функциональной комбинации ее элементов, которые неизменно принадлежат составу исконной (ностратической) лексики и развились по определенным правилам (зачастую также nostrатической) грамматики («фономорфосинтаксис» по Ф. Дебусу [23]). Именно для пользования данными структурами и следует владеть сводом в той или иной степени логических правил. Появляется соблазн предположения, что в конструкции языковой системы наличествует некий минимум грамматики, который пользователь должен освоить в процессе грамматикализации (*Spracherwerb*), что противоречит предыдущим рассуждениям об идиолектной природе индивидуального прожиточного минимума языка. Чтобы не угодить в гипнотическую ловушку данной концен-

трической спирали, необходимо помнить, что правила действительны для случаев любой речевой комбинаторики, и им для этого вовсе не обязательно образовывать некое «ядро» языковой системы. Другими словами, правило можно без опасения за его валидность вывести из образцов как социолектной, так и повседневной (бытовой) речи, в противном случае овладеть языком окружения подрастающему поколению было бы невозможно. Конечно, ряд социолектов (арго, койне, пиджинов) оперируют собственной (упрощенной) грамматикой, однако это доказывает лишь действительность конкретных правил и возможность ими обходиться для выживания в определенной коммуникативной среде [20, с. 38], но не принадлежность правила к системе.

Как уже отмечалось ранее, грамматика не может являться частью языка, как инструкция – частью механизма; она представляет всегда определенное добавочное знание, например, о подводке часов путем вращения ремонтара (как правило, по часовой стрелке). Косвенно данный вывод подтверждается также познанием о том, что при лексическом заимствовании морфологическая (грамматическая) ассимиляция протекает гораздо успешнее фонетической [15, с. 69–77]. Несмотря на то что монолитность языка, речи и грамматики, «вшитость» правила и комбинаторики в систему – очевидный изъян модели Ф. Дебуса, сам концентрический подход для выделения интра- и экстралингвистических уровней системы языка представляется вполне логичным. Безусловно, пост-структуралистам будет не хватать в данной модели их излюбленных уровней – «когнитивного» и «дискурсивного», которым посвящены миллионы опубликованных рукописей постперестроечного периода. Однако, с точки зрения логики, даже миллионы изданных работ не могут добавить объекту (языку) то, чего в нем не может быть.

Заключение

Итак, грамматика – это знания прикладного характера о том, как завести языковой механизм, т. е. применительно к языку – свод правил речепорождения. Так как язык функционирует по формуле «система (механизм) – грамматика (инструкция) – функция (эксплуатация)», где система суть упорядоченное знаковое множество, грамматика – правила пользования его элементами, а функция – сама речь, выводим новую трихотомию структурализма, не появившуюся ранее во многом ввиду господства новых постструктуралистских течений в языкознании в постперестроечную эпоху: «язык – грамматика – речь».

Логическая разверстка трихотомии вправо по правилам письменности русского языка может

вводить в заблуждение, ведь не только система обуславливает словоупотребление, но и живая речь изменяет систему сообразно с регулярными (живыми) коммуникативными практиками. Если термин «грамматика» исключительно в экспериментальных целях заменить на «действующую инструкцию», делая скидку на то, насколько сильно это может возмущать самих грамматистов-практиков, то справедливым представляется любое направление понимания выведенной зависимости через инструкцию-правило (грамматику), что доказывает валидность предложенной трихотомии.

Ребенок учится понимать и пользоваться единицами языковой системы через усвоение грамматических правил коллективного пользования языком. Синхронизация – единственная возможность коррекции индивидуального узуса с общественным, собственной системы с общепринятой. Таким образом, в очередной раз можно убедиться в том, что главным инструментом обучения языку в частности и педагогики в целом является требовательность. Уберите ее, и мы получим хор с репертуаром, как говорится, «кто в лес, кто по дрова». Корректирующее и синхронизирующее влияние среды обеспечивает коммуникативную пригодность индивидуального репертуара, в то время как собственный прожиточный минимум остается лишь инвентарем отобранных или повторенных средств с целью выживания в социуме.

Как вытекает из рассуждений, социальный детерминизм пронизывает всю природу языка и, следовательно, действителен и для самой трихотомии. Речевая комбинаторика располагаемых инвентарных средств следует за логикой социума и поэтому без остатка коллективна. Таким образом, любые выводы о интракорпоральной обусловленности лингво- и глоттогенеза, имплицитруемые пост-

структурализмом, лишены оснований и попросту ненаучны. Любой пользователь, желающий быть понятым, действует коммуникативно по правилам, существующим объективно (коллективно, социально), по этим же правилам он учится мыслить в сенситивном периоде (ведь его задача – выжить), а значит, любой язык, как и следовало ожидать, первичен по отношению к мышлению (разумеется, рассудочного свойства).

Без правил пользования системой не может быть и самой речи, важнейшей характеристикой которой выступает связность семантико-синтаксического (логического) характера: высказывание строится по логической схеме (SVO/SOV), а готовые высказывания соединяются в логическую цепочку речевого произведения. Логика определяет границы и возможности речевой комбинаторики элементов системы, а норма фиксирует тот или иной комбинаторный прием в функциональном репертуаре языка, который в содружестве изучают грамматика, стилистика и прагматика.

Семиотическая (не когнитивная) основа того, что принято называть языком, признается всеми смежными науками без исключения: от логики до антропологии. Междисциплинарность здесь можно или должно понимать не только как верификацию исследовательских данных о языке (так сказать, взгляд на него с разных сторон), но и как своего рода предохранитель от вредных антинаучных примесей постструктурализма и постмодернизма.

«Дай мне знак!» – вот залог последующего (не предшествующего) понимания (когниции) и побуждение к действию, а значит, вначале было не слово и уж тем более не мысль, а знак и как минимум двое, вступающих в коммуникативное (социальное) взаимодействие.

Список литературы

1. Кобенко Ю. В., Солодовникова О. В. Сегментация словарного состава немецкого литературного языка сквозь призму средового подхода // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 4 (201). С. 66–76. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-66-76.
2. Савельев С. В. Морфология сознания: в 2 т. М.: Веди, 2018. Т. 1. 208 с.
3. Гринёв-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Основы семиотики: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
4. Dawkins R. The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. 626 p.
5. Кобенко Ю. В. Критическое осмысление подходов к интракорпоральному поиску языка // Диалог культур и перевод: лингвистические и лингводидактические аспекты: тр. заочной межрегион. науч.-метод. конф. (26–28 февраля 2018 г.). Секция: Проблемы современной лингвистики. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2018. URL: http://www.rgf.kemsu.ru/Content/userfiles/files/documents/2017-2018/conf/ling/Kobenko_Yu.pdf (дата обращения: 30.05.2019).
6. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 312 с.
7. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1978. 294 с.
8. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Наука, 1978. 216 с.
9. Савицкий В. М., Доладова О. В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации. 2017. № 1. С. 35–44.
10. Савельев С. В. Нищета мозга. М.: Веди, 2014. 192 с.
11. Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф. Логика: учебник для средней школы. 8-е изд. М.: Учпедгиз, 1954. 176 с.
12. Конверский А. Е. Логика. М.: Изд-во МГУ, 2014. 336 с.

13. Поппер К. Эволюционная эпистемология. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.
14. Кобенко Ю. В. Экстралингвистический детерминизм природы псевдозаимствования // Томский журн. лингв. и антропол. исследований. 2016. Вып. 1 (11). С. 29–35.
15. Кобенко Ю. В., Меремкулова Т. И. Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2018. 192 с.
16. Кобенко Ю. В. Язык и культура в русле средового подхода // Язык и культура. 2018. Вып. 41. С. 139–152.
17. Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф. Эрзянско-русский словарь. Саранск: Изд-во Мордовского науч.-исслед. ин-та языка, 1949. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/Эрзя> (дата обращения: 30.05.2019).
18. Time Magazine Corpus of English. URL: <https://corpus.byu.edu/time/> (дата обращения: 30.05.2019).
19. Enard W. et al. A Humanized Version of Foxp2 Affects Cortico-Basal Ganglia Circuits in Mice // Cell. 2009. Vol. 137, № 5. P. 961–971.
20. Кобенко Ю. В. Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. Томск: Изд-во ТПУ, 2017. 214 с.
21. Hülser K.-H. Die Fragmente zur Dialektik der Stoiker. Stuttgart: Frommann-Holzboog Verlag, 1987–1988. Bd. I–IV. 403 S.
22. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.
23. Debus F. Onomastik // H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand (Hrsg.) Lexikon der germanistischen Linguistik. 2. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. S. 187–198.

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: serpentis@list.ru

Материал поступил в редакцию 03.06.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-115-129

UNKNOWN OBVIOUS TRICHOTOMY: ROLE OF LOGIC IN GLOTTOGONY

Yu. V. Kobenko

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The oxymoron in the title of the paper expresses the evidence of the trichotomy proposed in the work and its obscurity to a wide range of poststructuralists who in one way or another touch upon questions of glottogenesis. The dominance in the world linguistics of the intracorporal vectors of language search from the middle of the past century led only to the mystification of this field of knowledge. However, the turn of research at the change of millennia towards extralinguistics is capable of dispelling the myth rooted in a wide audience about the intracorporal (cognitive, psychological, mental, etc.) origin of the language and leading the extralinguistic determinism of glottogony and language evolution processes to the first positions in linguistics. Nevertheless, contrary to the repeatedly verified data of interdisciplinary research, at present, one can still observe the confrontation of the sophistic tradition of idealism, defending the idea of intracorporal origin of the language, and the completely forgotten in linguistic circles theory of socially determined genesis of language, that had solitary status still in the middle of the last century. Post-structuralism, which has thoroughly entered into a “cognitive dead end”, has condemned itself to deserved criticism, to which a fair amount of this work is devoted.

The aim of the paper is to propose a new trichotomy of structural systemic linguistics “language system – grammar – speech”.

Material and methods. Structural-systemic and semiotic approaches form the epistemological framework of the study, during which the methods of logic (analysis, synthesis, comparison, etc.) were used, as well as the general scientific method of triangulation, that allows to single out a common third for two objects of observation.

Results and discussion. The proposed trichotomy of the structural-system linguistics “language system – grammar – speech”, where grammar is understood as a set of rules, and speech – as a result of combinations of system elements, deepens understanding of the functioning of sign communication systems in the language community, as well as co-evolution of language and society. The language is designed so that the minimum of speech combinatorics can contribute to the assimilation of the rule, and the learned rule, in turn, is the key to mastering the maximum of the system itself. The rule, as an additional third and transitional link between the system and the function, acts simultaneously as an extra-linguistic binding of the virtual system of signs, invisible to a person, and the speaker. The sign nature of a language is understood through the semiotic conditionality of glottogony, in which logic plays a leading role not in the Aristotelian sense, but as a system of principles, laws, and operations for performing a certain activity — in this case, communicative. The participation of logic in the processes of speech-generation refutes the existing ideas about grammar as part of a language construct and prompts to consider it an additional third (instruction) in relation to the language system and individual speech repertoires.

Conclusion. Glottogony is not a cognitive, but a logical-semiotic process. The sign, which lies at the base of all three elements of trichotomy, precedes both the processes of understanding (awareness) and the production of speech. In addi-

tion, through the sign and logical (non-mental or speculative) rule of its use, the speaking population becomes itself: the sign and rule unites users of the language, realizing its main function in the environment – the integrative one.

Keywords: *trichotomy, glottogony, semiotics, logic, grammar, system, function*

References

1. Kobenko Yu. V., Solodovnikova O. V. Segmentatsiya slovarnogo sostava nemetskogo literaturnogo yazyka skvoz' prizmu sredovogo podkhoda [Segmentation of German literary language stock through the prism of the environmental approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 4 (201), pp. 66–76 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-66-76.
2. Savel'yev S. V. *Morfologiya soznaniya: v 2 t. T. 1* [The morphology of consciousness: in 2 v. Vol. 1]. Moscow, Vedy Publ., 2018. 208 p. (in Russian).
3. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. *Osnovy semiotiki* [Basics of semiotics]. Moscow, Flint, Nauka Publ., 2012. 256 p. (in Russian).
4. Dawkins R. *The Ancestor's Tale: A Pilgrimage to the Dawn of Life*. London, Weidenfeld & Nicolson Publ., 2005. 626 p.
5. Kobenko Yu. V. Kriticheskoye osmysleniye podkhodov k intrakorporalnomu poisku yazyka [Critical understanding of approaches to intracorporal language search]. *Dialog kul'tur i perevod: lingvisticheskiye i lingvodidakticheskiye aspekty: tr. zaochnoy mezhtregion. nauch.-metod. konf. (26–28 fevralya 2018 g.). Sektsiya: Problemy sovremennoy lingvistiki* [Dialogue of cultures and translation: linguistic and linguodidactic aspects: proceedings of correspondence interregional scientific-methodical conference (2018, February 26–28). Section: Problems of Modern Linguistics]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2018 (in Russian). URL: http://www.rgf.kemsu.ru/Content/userfiles/files/documents/2017-2018/conf/ling/Kobenko_Yu.pdf (accessed 30 May 2019).
6. Stepanov Yu. S. *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 312 p. (in Russian).
7. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye* [Language as a system-structural formation]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 294 p. (in Russian).
8. Shveytser A. D., Nikol'skiy L. B. *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 216 p. (in Russian).
9. Savitskiy V. M., Doladova O. V. O protivorechiyakh vo vzglyadakh na sistemnost' yazyka [On the contradictions in views on the systematic language]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii – World of Linguistics and Communication*, 2017, no. 1, pp. 35–44 (in Russian).
10. Savel'yev S. V. *Nishcheta mozga* [Brain poverty]. Moscow, Vedy Publ., 2014. 192 p. (in Russian).
11. Vinogradov S. N., Kuz'min A. F. *Logika: uchebnyk dlya sredney shkoly* [Logics: high school textbook]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 176 p. (in Russian).
12. Konverskiy A. E. *Logika* [Logics]. Moscow, MSU Publ., 2014. 336 p. (in Russian).
13. Popper K. *Evolutsionnaya epistemologiya. Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology. Evolutionary Epistemology and Logic of Social Sciences: Karl Popper and His Critics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 464 p. (in Russian).
14. Kobenko Yu. V. Ekstralingvisticheskiy determinizm prirody psevdozaimstvovaniya [The extralinguistic determinism of the nature of pseudoborrowing]. *Tomskiy zhurnal lingv. i antropol. issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2016, vol. 1 (11), pp. 29–35 (in Russian).
15. Kobenko Yu. V., Meremkulova T. I. *Gall'skiye zaimstvovaniya v sovremennoy nemetskom yazyke: strukturno-sistemnyye i funktsional'no-dinamicheskiye osobennosti* [Gallic borrowings in the modern German language: structural-system and functional-dynamic features]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2018. 192 p. (in Russian).
16. Kobenko Yu. V. *Yazyk i kul'tura v rusle sredovogo podkhoda* [Language and culture within the environmental approach]. *Yazyk i kul'tura – Language & Culture*, 2018, vol. 41, pp. 139–152 (in Russian).
17. Kolyadenkov M. N., Tsyganov N. F. *Erzyansko-russkiy slovar'* [Erzyan-Russian Dictionary]. Saransk, Mordovian Language Research Institute Publ., 1949. URL: <http://marlamuter.com/muter/ru/Эрзя> (accessed 30 May 2019).
18. *Time Magazine Corpus of English*. URL: <https://corpus.byu.edu/time/> (accessed 30 May 2019).
19. Enard W. et al. A Humanized Version of Foxp2 Affects Cortico-Basal Ganglia Circuits in Mice. *Cell*, 2009, vol. 137, no. 5, pp. 961–971.
20. Kobenko Yu. V. *Yazyk i sreda. Opyt sistematizatsii dannykh mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy* [Language and environment. Experience in the systematization of interdisciplinary research data]. Tomsk, TPU Publ., 2017. 214 p. (in Russian).
21. Hülser K.-H. *Die Fragmente zur Dialektik der Stoiker. Bd. I–IV* [The fragments on the dialectics of the stoics. Vol. I–IV]. Stuttgart, Frommann-Holzboog Publ., 1987–1988. 403 S.
22. Susov I. P. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2006. 200 p. (in Russian).
23. Debus F. Onomastik [Onomastics]. *Lexikon der germanistischen Linguistik*. Hrsg. Althaus H. P., Henne H., Wiegand H. E. [Lexicon of Germanic linguistics. Ed. H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand]. Tübingen, Max Niemeyer Verlag Publ., 1980. S. 187–198.

Kobenko Yu. V., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: serpentis@list.ru